

Звиняцьковський В. Я.

Маріупольський державний університет

ПИТОМЦЫ ТРЕТЬЕЙ ГИМНАЗИИ: ХАРЬКОВСКИЕ ГИМНАЗИСТЫ НИКОЛАЙ НЕДОБРОВО, БОРИС АНРЕП И АЛЕКСАНДР БЕЛЕЦКИЙ

Данная работа посвящена восстановлению духовного облика юных Н. В. Недоброво, Б. В. Анрепа, А. И. Белецкого. Опираясь на мемуарные и архивные сведения, автор анализирует жизненные и эстетические истоки их творчества. Делается вывод о том, что будущие исследователи творчества Н. В. Недоброво не должны пройти мимо харьковской юности, полностью сформировавшей его и как личность, и как поэта. Они должны обратиться и к архиву А. И. Белецкого, в частности, к его повести «Против тоски о старом добром времени». Эта очень интересная биографическая повесть ещё ждёт не только своего исследователя, но и своего издателя.

Ключевые слова: архивные источники, документальные свидетельства, истоки творчества, декаданс.

Постановка проблемы. 100-летие со дня смерти Николая Владимировича Недоброво, чья загадочная личность всё ещё ждёт своего исследователя, наводит на мысль о совершенно неизученной харьковской юности этого выдающегося поэта, прозаика и литературного критика Серебряного века.

Обращение к фактам биографии и к творчеству А. И. Белецкого, ныне незаслуженно забытого, избавило бы историков литературы XX века от многих мелких и крупных ошибок. Так, например, лучший знаток жизни Н. В. Недоброво и единственный издатель его творений – Михаил Кралин – пишет: «Белецкий был всего на два года моложе Недоброво, но всю жизнь относился к нему как к своему учителю. В 1902 г. Недоброво учился на историко-филологическом факультете Харьковского университета. К этому времени относится его знакомство с А. И. Белецким» [1, с. 294].

На самом деле Коля Недоброво и Шура Белецкий были одноклассниками по 3-й Харьковской гимназии, и первый в отношении второго исполнял роль не столько учителя, сколько, видимо, такого покровителя, каковым более сильный и независимый подросток часто выступает в отношении более слабого и зависимого. Третий в этой компании одноклассников, державшийся, однако, несколько особняком, был сын попечителя Харьковского учебного округа Боря Анреп. Вся троица была увлечена декадентами и пописывала декадентские стихи.

Анализ последних исследований и публикаций. Следует отметить, что по мемуарным

источникам и по историко-литературным исследованиям можно получить общее представление и о Н. В. Недоброво, и о Б. Анрепе. Особенно много можно узнать об Н.В. Недоброво как о поэте и критике ахматовского круга. Именно в этом аспекте о нем пишет В.М. Жирмунский [2, с. 42–43]. Р. Д. Тименчик в работе «Ахматова и Пушкин. Заметки к теме» говорит о его «двойном бытии – в девятисотых и восьмисотых годах одновременно» [3, с. 49]. О. Б. Анрепе писал Р. Д. Тименчик в биографическом словаре «Русские писатели» [4, с. 90–91]. Там же можно найти и библиографию до 1989 года. Что касается молодого А. И. Белецкого, то о нём автор этих строк писал в журнале «Коллегиум» [5]. Однако о взаимоотношениях этих трех выдающихся личностей в юные годы, об общих духовных истоках их творчества не писал никто.

Цель данной работы – привлечь внимание будущих исследователей к, возможно, общему истоку творчества трёх очень ярких и очень разных деятелей отечественной и мировой культуры, а также и – в целом – к обширному неопубликованному архиву академика А. И. Белецкого. Архив этот ещё в начале 90-х годов прошлого столетия был передан в рукописный отдел Института литературы им. Тараса Шевченко НАНУ сыном академика, профессором П. А. Белецким и по сути лежит там мёртвым грузом.

Изложение основного материала. В 1928 году увидел свет библиографический словарь русских писателей XX века «Писатели современной эпохи» (под ред. Б. П. Козьмина). В нём есть статья об Александре Ивановиче Белецком, напи-

санная, надо полагать, им самим. Прочитую её начало:

«Белецкий, Александр Иванович, литературовед, род. в 1884 г. в семье агронома-педагога. Родители – южане; отец уроженец Бессарабии, мать – украинка с примесью немецкой крови. Детство и отрочество провел вне города (под Казанью), в среде великорусско-татарского населения. На школьной скамье начал писать „декадентские стихи“, образцы для которых выписывал из ругательных рецензий толстых журналов. Окончил харьковскую 3-ю гимназию в 1902 году» [6, с. 37].

Этот портрет от начала до конца придуман в духе русского романтизма, которым А. И. много занимался во время выхода процитированной статьи. Этаким Мцыри проводит своё детство и отрочество на природе, татары окружают его... Сердце просит высказать себя, и узнав, как, по мнению филистеров, **нельзя** писать стихи, наш романтический поэт (горючая смесь немца с хохлом) именно так их и пишет...

На самом же деле и в Казани Шура Белецкий учился понемногу, чему-нибудь и как-нибудь – в Третьей казанской мужской гимназии до 1900 г., когда семья переехала в Харьков.

В казанском путеводителе проф. Н. П. Заголкина, изданном в 1895 году, о 3-й гимназии сказано, что она ведёт своё существование с 1876 г., когда была преобразована из мужской прогимназии, открытой в 1871 г.; что она помещается в прекрасном, окружённом большим садом, собственном здании, находящемся близ Ново-Горшечной улицы; что старинный барский дом, в котором была устроена домовая гимназическая церковь, был ещё в конце XVIII века выстроен губернским прокурором Чемезовым; и что из окон верхнего этажа здания гимназии, расположенного на высоком холме, открывается превосходный и обширный вид на Суконную слободу, Забулачье, Кабан и Заволжье.

Из этих верхних окон гимназист Шура Белецкий как раз в 1895 году часто с тоскою смотрел на родное озеро Кабан: близ берегов его располагалось Казанское земледельческое училище, где преподавал Шураин отец Иван Иванович и где жила его семья. Там у Шуры был его огромный детский мир. Гимназия же казалась ему тесной, тесен был и «большой» гимназический сад. Да ещё, чуть затеят мальчишки какое-нибудь безобидное озорство, как тут же с воплем «Я здесь!» невесть откуда выпрыгивает директор...

Обо всем этом, по воспоминаниям Платона Александровича Белецкого, сам академик часто

и увлечённо рассказывал собственным детям. С юмором вспоминал, что у его казанского учителя физики эксперименты, как правило, «не удавались», о чем он с комической торжественностью сообщал уже привыкшим к этому гимназистам. Запомнились перлы учителя истории: «греки издали звук»; «он умер вокруг меча, вращая ногами в свою пользу»; а также вопрос, адресованный гимназистам: «Какое место в «Илиаде» самое лучшее?»

Могло бы при этом показаться странным, что именно в казанской гимназии у Александра Белецкого возник стойкий интерес к античности. Однако странного ничего здесь нет: Шура Белецкий в своей благодарной памяти сохранил и фамилию учителя древних языков – Черняев, и упражнения, во время которых этот интерес раз и навсегда у него возник, – экстемпоралии (переводы с греческого на латынь и обратно) [7]. Судя по всему, казанским учителем А. Белецкого был тот самый П. Черняев, который опубликовал интересную статью о переводе «Одиссеи» Жуковским – в научном журнале «Филологические записки» (он издавался в Воронеже, но имел всеобщего читателя, равно как и автуру).

В 1900 г. И. И. Белецкого переводят в земледельческое училище под Харьковом, а Шуру соответственно в харьковскую гимназию, причём снова в 3-ю. Здесь он вновь, и уже надолго, находит **своего** учителя – и, вопреки Кралину, отнюдь не Н. В. Недоброво. Например, из той же статьи библиографического словаря можно узнать, что «в своём научном развитии, по собственному признанию, особенно многим обязан А. П. Кадлубовскому».

Будучи рьяным последователем А. Н. Веселовского, Кадлубовский преподавал не только в 3-й гимназии, но и в университете, где в частности вёл семинары по сравнительному литературоведению, активным слушателем которых вскоре стал и студент Белецкий, связавший свою жизнь с этой научной школой и с этим университетом, вообще – с наукой.

Впрочем, мысль о продолжении чисто литературного творчества его не оставляла ещё долго (не исключено, что и до конца жизни). Но для серьёзного продолжения следовало это творчество всемерно совершенствовать. Одноклассники Александра и в этом смысле служили ему и поддержкой, и примером.

Как было сказано, Николай Недоброво на два года старше Александра Белецкого. Борис Анреп – всего на год. Недоброво умер во время

гражданской войны от чахотки в Ялте ровно сто лет тому назад, в 1919 году (2 декабря). И симметрично полвека отделяют наше время и дату смерти Недоброво от 7 июня 1969 года, когда в Лондоне в возрасте 85 лет умер Борис Анреп.

Двумя важнейшими источниками единственного собрания стихотворений Недоброво, изданного Михаилом Кралиным, являются альбом Анрепа и тетрадь Белецкого. Первый был подарен самим Недоброво его ближайшему другу Анрепу и долгое время находился в Петербурге, на хранении у их общей знакомой Татьяны Модестовны Девель. По-видимому, в 50-х годах Девель нашла возможность переправить альбом в Лондон Анрепу, а тот незадолго до своей кончины подарил его Г. П. Струве; в настоящее время этот альбом находится в коллекции Г. П. Струве в Гуверовском архиве (Калифорния), откуда Кралин получил ксерокопии отдельных листов. Тетрадь Белецкого имеет заголовок: «Н.В. Недоброво. Материалы для собрания стихотворений. Черновой список». В ней собраны стихотворения разных лет, в том числе ранние стихи и наброски Недоброво, извлечённые из его писем к Белецкому. Тетрадь уцелела в составе киевского архива и была передана Кралину П.А. Белецким. Письма же, как и весь харьковский архив Александра Белецкого, пропали во время Второй мировой войны.

Итак, что же открывают нам эти *источники* в смысле общего жизненного, эстетического *истока* творчества трёх харьковских одноклассников? Творчества вообще и поэтического в особенности. Попробуем в этом разобраться.

В этой маленькой референтной группе все трое по крайней мере не чувствовали полного одиночества и беспомощности своих поэтических исканий и имели ту взаимную поддержку, которую вряд ли находили в своих семьях.

О Василии Константиновиче фон Анрепе в Википедии читаем, что он был врач, физиолог и фармаколог, профессор медицины, вошедший в историю как пионер местного анестезирования. Смолodu проводя на себе эксперименты с кокаином, фон Анреп установил, что введённый под кожу слабый раствор кокаина вызывает сначала ощущение потепления, а затем потерю чувствительности в месте укола. В 1884 году фон Анреп опубликовал в российском еженедельнике «Врач» статью «Кокаин как местноанестезирующее средство», в которой, основываясь на собственном пятилетнем клиническом опыте, конкретизировал рекомендации к применению кокаина при

воспалительных заболеваниях, в офтальмологии, оториноларингологии, неврологии, пульмонологии. Но случаи, так сказать, *общей* анестезии при помощи кокаина, получившей распространение среди декадентской молодёжи, Василия Константиновича, ясное дело, не радовали. Став по примеру Николая Ивановича Пирогова попечителем учебного округа, фон Анреп-отец, будучи вообще противником классического образования, гуманитарных интересов фон Анрепа-сына, да ещё и развивающихся в декадентском варианте, отнюдь не одобрял.

Об отношении родителей Коли Недоброво к его поэтическим вкусам и творчеству заключить с такой долей определённости вряд ли возможно. Но вот зато «в семье агронома-педагога» Ивана Ивановича Белецкого отношение и к современной, и вообще к поэзии, и в целом к словесности – было вполне ещё шестидесятническое, базаровское. Даже мама, Софья Андреевна, когда любимый сын решил после гимназии заняться литературой, сказала:

– Жаль, Шура. Были у меня знакомые филологи, все крайне скучные люди.

Видимо, в данном случае решающим было влияние не семьи, а всё-таки школы. Что поделаться, если у физика 3-й казанской гимназии все опыты «не получались», да и 3-я харьковская (как писал, со слов отца, Платон Белецкий) тоже «не увлекла поэта и артиста естественными науками... зато интерес к литературе, прежде всего французской и античной, в её стенах углубился». Что до Бори Анрепа, то лето 1899 года он провёл в Англии, где изучал английский язык, и с этих пор налёт дендизма с ним остался навсегда. Для одноклассника Коли в 1899 – 1900 учебном году, т.е. в 5-м классе, Боря был таким же «культурным героем», каким сам Коля стал для Шуры, появившегося лишь в 6-м классе.

Б. В. АНРЕПУ

Плоды твоего вдохновенья
читаю с восторгом, мой друг,
прошедшего счастье, мученья
они мне напомнили вдруг.
Как некогда, в годы былые,
я чувствую бурю в груди,
и страсти чудесно простые
проснулись. О прежние дни!

1.XII.1900

Харьков

Б. В. АНРЕПУ

Читаю я *твои* стихи –
в них нахожу я вдохновенье,
надежды юные твои,
души живой твоей волненье.
Читаю я *свои* стихи –
в них нахожу я рассужденья
и думы жалкие мои
без жизни и без вдохновенья.

10.I.1901
Харьков

Непохоже, чтобы эти восторги разделял Шура Белецкий. Хотя можно легко предположить, что читая эти строки, он чувствовал бурю в груди, равно как и чудесно простую страсть, именно – ревность. Следовало немедленно, во что бы то ни стало поразить весь мир, весь 7-й класс и в особенности Колю гениальным текстом, а немедленно – значит стихи. Вот почему, как писал лучший биограф нашего героя, сын его Платон, «в литературном наследии гимназиста 7-го класса преобладают лирические стихотворения». Но именно этот жанр ему давался плохо и с большим напрягом. Человеколюбивый Коля, сочувствуя другу, посвятил ему сонет

К А. И. БЕЛЕЦКОМУ

Тебя на благо мира постигают
Страданья тяжкие и гнёт тоски.
Из них богини дивные свивают
Поэзии роскошные венки.

Пусть когти злой тоски тебя терзают,
Пусть раны будут тяжки, глубоки –
Они твои ведь песни вызывают,
А эти песни чудны, высоки.

Ты мучишься, творя. Твои ж творенья
В печали наслажденье нам дают.
В них скрыт для нас источник наслажденья,

Хоть и про муки нам они поют.
Мы внемлем им, полны благоговенья,
Благословляя твой тяжёлый труд.

25.IX.1901

Всё это, разумеется, не то, чего бы хотелось, и уж во всяком случае не идёт ни в какое сравнение с написанным в том же 7-м классе вот этим стихотворением:

ХРАМ ЛЮБВИ

Посвящается Б.В. фон Анрепу

Среди огромного таинственного храма,
Бросая красный свет на ряд больших колонн,
И наполняя свод дыханьем фимиама,
Горит огонь любви. К нему со всех сторон
Стеклась толпа людей. Они впивают жадно
Благоухающий чудесный аромат,
Их нежит страстный зной, пьянящий и отрадный
Чем ближе, тем сильнее. Но всё ж они стоят
Вдали от пламени, где меньше наслажденья.
Подвинуться вперед их не пускает страх.
Там наслаждение доходит до мученья
И страшный, жгучий жар всё обращает в прах.

Вдруг в стороны толпа в смущеньи расступилась,
И в странном ужасе отхлынула назад.
Вот дева чудная среди нее явилась,
Прекрасна, молода... Ее глаза горят...
Она идет к огню... Томима дикой страстью
Бросается в него. Прошёл короткий миг.
Она погибла там. Но что за бездну счастья
Исчерпала она, как страшно был велик
Поток прекрасных мук, бездонных наслаждений,
Блаженства и любви, и неги, и огня...
Одно мгновение – но двух таких мгновений
С такими чувствами, душе прожить нельзя.

24.I-6.II.1902

Да, это декаданс, он же стиль модерн, ар нуво – назовите как хотите, но это – и настоящая, и современная поэзия.

В 1901 году фон Анреп-старший получил должность попечителя Петербургского учебного округа и определил Борю в Императорское училище правоведения. Лето перед разлукой друзья провели в Крыму, на прощанье Коля Боре написал:

Не забывай меня, когда враждебной силой
Нас разлучит судьба. Пускай тоской унылой
И сожалением сжимается душа.
Как только вспомнишь ты, как чудно хороша
Была пора, когда, друзья, мы вместе были.
Не забывай меня, хотя б и исцелило
Забвенье много мук – но, исцеляя их,
Оно б прочь унесло и то, что мило в них
Для сердца, и чего оно не променяет
На мертвенный покой, который поселяет
Забвение в душе. И помни, что всегда
Я помню о тебе и жадно жду, когда
Мы снова встретимся давнишними друзьями
Вдали иль снова здесь, меж морем и горами.

23.VIII.1902

Чолмекчи

Теперь ничто и, главное, никто (кроме Бориных писем, разумеется) не отвлекал Колю от Шуры. По окончании гимназии они вместе два счастливых года учатся в Харьковском университете, но на 3-й курс Коля всё же переводится в Питер. Вдогонку Шура шлёт поэтическое посвящение:

Тебе – с которым я делился
Безумством грёзы молодой,
На чьём примере научился
Стихов чеканке дорогой
В те дни, когда мы посещали
Науки здешней грязный храм
И в библиОтеке искали
Забытых книг полезный хлам.

«О том, как много дал пример *стихов чеканки дорогой*, свидетельствуют уже далеко не наименьшие произведения, написанные отцом в 1904 – 1905 гг.», – замечал Платон Белецкий [7, с. 282]. В подтверждение он приводил стихотворение «Вилла Стелламаре», где школа Недоброво видна невооружённым глазом:

И весёлая вилла как будто кладбище.
Слуги в сумерках скрылись –

презренные крысы!

И подходит к ограде отогнанный нищий,
Хищно смотрит, раздвинув рукой кипарисы.
Скоро, скоро мы сгинем в военном пожаре.
Мы покорно сдаёмся. Мы больше не спорим.
Отцветают прекрасные дни Стелламаре,
Посерела луна над разгневанным морем.

Кто знает, не вспоминал ли эти стихи старого друга Николай Недоброво в свои последние дни в некогда весёлой Ялте, посеревшей от гражданской войны.

Выводы. Как бы то ни было, будущие исследователи творчества Недоброво не должны пройти мимо харьковской юности, полностью сформировавшей его и как личность, и как поэта. И конечно они должны обратиться к архиву Белецкого, в частности к его повести «Против тоски о старом добром времени», где Недоброво посвящены далеко не только те несколько страниц, которые уже публиковались. Эта очень интересная биографическая повесть ещё ждёт не только своего исследователя, но и своего издателя.

Список литературы:

1. Недоброво Н. В. Милый голос / Сост., прим. и предисл. М. Кралина. Томск: Водолей, 2001. 352 с.
2. Жирмунский В.М. . Творчество Анны Ахматовой. Л.: Наука, 1973. 184 с.
3. Тименчик Р.Д.. Ахматова и Пушкин. Заметки к теме // Пушкинский сборник. Рига: ЛГУ им. Петра Стучки, 1974. Вып. 2. С. 32-55.
4. Тименчик Р.Д. Недоброво Николай Владимирович // Русские писатели.1800-1917. Биографический словарь. М.: Институт русской литературы РАН, 1989. т.1. С.90 – 91
5. Звоняцкий В.Я. К познанию «тайной логики вещей» (проблема «Литература и действительность») в традициях школы Белецкого //»Коллегиум», К.: Издательский дом Дмитрия Бурого , 2016, № 25, С. 33-55.
6. Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь русских писателей XX века /Под ред. Б.П. Козьмина. 2-е издание. М.: «ДЭМ», 1991. 288 с.
7. Білецький П. Витоки // Про Олександра Білецького: спогади, статті. К.: Радянський письменник, 1984. С. 270 – 283.

Звоняцьковський В. Я. ВИХОВАНЦІ ТРЕТЬОЇ ГІМНАЗІЇ:

ХАРКІВСЬКІ ГІМНАЗИСТИ М.В. НЕДОБРОВО, Б. В. АНРЕП, А.І. БЕЛЕЦЬКИЙ

Дана стаття присвячена відновленню духовного складу юних Н. В. Недоброво, Б. В. Анрепа, А. І. Белецького. Спираючись на мемуарні й архівні відомості, автор аналізує життєві й естетичні витоки їхньої творчості. Робиться висновок про те, що майбутні дослідники творчості Н. В. Недоброво мають не пройти повз його харківську юність, що його повністю сформувала і як особистість, і як поета. Вони мають звернутися й до архіву А. І. Белецького, зокрема до його повісті «Проти туги про старі добрі часи». Ця надзвичайно цікава біографічна повість ще чекає не тільки на свого дослідника, але й на свого видавця.

Ключові слова: архівні джерела, документальні відомості, витоки творчості, декаданс.

Zvynyatskovsky V. Ya. THE STUDENTS OF THE THIRD GYMNASIUM:

KHARKIV GYMNASIUM STUDENTS N. V. Nedobrovo, B. V. Anrep, A. I. Beletsky

This work is devoted to the restoration of the spiritual identity of the young N. V. Nedobrovo, B. V. Anrep and A. I. Beletsky. Based on the memoir and archival data, the author analyzes the biographical and aesthetic origins of their creative activity, and concludes that the future researchers of N. V. Nedobrovo's work should not pass by the Kharkov youth, which fully formed him both as a person and as a poet. They should also turn to A. I. Beletsky's archive, in particular, to his story «Protiv toski o starom dobrom vremeni» («Against the yearning for the good old time»). This interesting biographical story is still waiting not only for its researcher, but also for its publisher.

Key words: archival sources, documentary evidence, sources of creative work, decadence.